

із промовою (див.: *Бойко В., Демченко Т., Онищенко О.* 1917 рік на Чернігівщині: Іст.-краєзн. нарис. – Чернігів, 2003. – С. 33–34); поновлював в 1917 р. діяльність товариства «Просвіта» разом із такими особами, як І. Л. Шраг, І. О. Коновал, В. У. Коцюбинська, В. Елланський, І. Руденко, Ф. Смиринський, (див.: Українське Товариство «Просвіта» в Чернігові // Чернигов. зем. газ. – 1917. – № 25. – С. 3). Щодо деталей творчої біографії див.: Митці України: енциклопед. словник. – К., 1992. – С. 476; *Гамкало І.* Приходько Олекса Кіндратович // Мистецтво України: біограф. довід. / за ред. А. В. Кудрицького. – К., 1997. – С. 491.

¹⁸ «Общество помощи населению Юга России, пострадавшему от военных действий» було засноване у 1915 р.; 30 січня 1916 р. утворилося його чернігівське відділення, головою обрали І. Л. Шрага.

¹⁹ Падолист – листопад.

²⁰ *Русова Софія Федорівна* (1856–1940) – українська громадська і культурно-освітня діячка, педагог. Свої спомини про чоловіка подала згодом у наступних працях: *Русова С.* Життя українського ідеаліста кінця XIX віку Ол. Русова. – Львів, 1938. – 31 с. Відбитка із: Студії з поля суспільних наук і статистики. – Львів, 1938. – Т. 5. – 31 с.; *Вона ж.* Спомини про перший театральний гурток у Києві // Літ.-наук. вістник. – 1918. – Т. 70, кн. 4/6. – С. 104–107; *Вона ж.* Мої спомини (1861–1879) // За сто літ: матеріали з громадського й літературного життя України XIX і поч. XX ст. / під ред. М. Грушевського. – К., 1928. – Т. 25, кн. 2. – С. 147–205; К., 1928. – Т. 28, кн. 3. – С. 135–175.

УДК [94+34](477)“1877”+930.253

Андрій Катренко, Ярослав Катренко

**ПРОФЕСОР О. Ф. КІСТЯКІВСЬКИЙ –
ЗАХИСНИК У СУДІ СЕЛЯН ЧИГИРИНСЬКОГО ПОВІТУ
КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ (1877 р.)**

У публікації подано захисну промову професора Київського університету О. Ф. Кістяківського, виголошену в суді 18 червня 1877 р., яка є одним із зразків тогочасних судових документів і містить важливу історичну інформацію.

Ключові слова: професор О. Ф. Кістяківський, суд, промова, чигиринські селяни, заворушення.

В публикации представлена защитительная речь профессора Киевского университета А. Ф. Кистяковского, произнесенная в суде 18 июня 1877 г., которая является одним из образцов судебных документов того времени и содержит важную историческую информацию.

Ключевые слова: профессор А. Ф. Кистяковский, суд, речь, 1877 год, чигиринские крестьяне, волнения.

The article presents the protective speech by O.F. Kistyakivs'kyi, Prof. of Kyiv University, pronounced in the court on June, 18, 1877 which is one of the samples of those time court documents and contains important historical information.

Key words: Prof. O. F. Kistyakivs'kyi, court, speech, 1877, Chyhyryn peasants, rebellion.

© Андрій Катренко, Ярослав Катренко, 2012

Після реформи 1861 р. в Російській імперії, до складу якої входила більшість земель України, продовжилось і прискорилося реформування земельних і соціальних відносин. Це було обумовлено низкою причин. По-перше, незважаючи на консерватизм самодержавної влади, урядові кола були змушені реагувати на економічні потреби країни, зокрема на необхідність створення певних передумов для прискорення розвитку сільського господарства, промисловості, торгівлі та ін. По-друге, царський уряд турбувало загострення соціальних протиріч на ґрунті аграрних відносин, що виникали між поміщиками і селянами і призводили до відкритих селянських повстань. По-третє, російський цар дбав про власний міжнародний імідж, а тому звертав увагу на те, що відбувалося в інших європейських країнах (наприклад, у суперниці Росії Австро-Угорщини значно раніше було ліквідовано кріпацтво, панщину і т. д.), і наслідував їх. Звичайно, були й інші фактори, що спонукали центральну владу здійснювати реформи, у тому числі й в аграрній сфері.

Проводячи реформи в другій половині XIX ст., царат все ж неухильно дбав про те, щоб, з одного боку, не порушити підвалини самодержавства, а з іншого – не зашкодити економічним і політичним інтересам представників панівного стану – дворян (поміщиків). Про це імператор Олександр II після завершення складання документів, згідно з якими мала проводитися реформа, на засіданні Державної ради 28 січня 1861 р. відверто заявив: “Я сподіваюся, панове, що при розгляді проектів, поданих у Державну раду, ви переконаєтесь, що все, що можна було зробити для забезпечення вигод поміщиків, зроблено”¹. При цьому політика царизму щодо реформування становища як поміщицьких, так і державних селян не дуже відрізнялася. Як для перших, так й для других воно супроводжувалося пограбуванням і обмеженням їхніх землеволодінь.

Основні положення реформи 1861 р., що стосувалися поміщицьких кріпаків, царський уряд поширив також на державні та інші групи селян. Зокрема, державних селян Правобережної України згідно з його указом від 16 серпня 1863 р. було переведено в розряд селян-власників і обкладено викупними платежами на 49 років. Відповідно до закону від 18 січня 1866 р. їх було вилучено з відання Міністерства державних маєтностей і в адміністративному відношенні підпорядковано нещодавно створеним загальним губернським, повітовим і місцевим селянським установам. Закон від 24 листопада 1866 р. визначив порядок поземельного влаштування державних селян: за ними переважно закріплювалися ті землі й угіддя, які перебували в їхньому користуванні, але не більше 8-15 десятин на ревізську душу; їхні наділи обклалися щорічним державним оброчним податком, розмір якого в багатьох місцевостях України збільшувався на 15%. На Правобережній Україні запроваджувався обов’язковий викуп селянами земельних наділів, в основу визначення розміру щорічних викупних платежів бралася збільшена на 10% річна сума оброчного податку, встановлена спеціальними люстраційними комісіями².

Згідно з законом від 16 травня 1867 р. у Чигиринському повіті Київської губернії, як і в інших місцевостях, розпочалося проведення люстрацій (тобто переоблік державного землеволодіння, запровадження т. зв. власницьких записів – люстраційних актів, що стосувалися землеволодіння тутешніх державних селян). Чигиринські селяни висунули вимогу розподілу землі по кількості ревізьких душ. Чиновники місцевої люстраційної комісії їм відмовили. Також вони, втілюючи покладене на них завдання, вдавалися до різних зловживань: розбазарювання селянських земель, виділення селянам непридатних для обробітку ділянок та ін. Навесні 1873 р. селяни, ознайомившись із складеними комісією люстраційними актами, в яких було вказано кількість і місцезнаходження відведеної землі та суму викупних платежів, розпочали заворушення, що охопило 25 сіл повіту.

Губернське начальство, побоюючись загострення ситуації і поширення селянського повстання, пообіцяло переглянути і виправити люстраційні акти. Повторна спроба влади примусити селян прийняти “переглянуті” і “виправлені” документи викликала навесні 1875 р. нову хвилю протестів. У заворушеннях взяло участь понад 40 тис. осіб. Боротьба селян за справедливе задоволення своїх вимог проявилася в різних формах: поданні скарг в урядові інстанції, відрядженні ходаків до царя, відмові прийняти люстраційні акти і сплатити викупні платежі по них, непокорі місцевій і повітовій адміністрації та ін. Селяни не лише вимагали переглянути актові документи, а й збільшити душові наділи до п’яти десятин, хоча б і за рахунок поміщицьких земель.

Виступ чигиринців царська влада жорстоко придушила. Понад 300 повстанців було заарештовано і віддано під суд, який відбувся у Києві 17–18 червня 1877 р. Із них 74 особи було засуджено до тюремного ув’язнення тривалістю від чотирьох місяців до двох років³.

Те, що чигиринським “бунтівникам” суд виніс відносно “м’який” вирок, пояснювалося багатьма причинами. Царизм змушений був іти на певні поступки народу, оскільки селяни були незадоволенні змістом реформи і методами її проведення, що призводило до селянських виступів, а в імперії ширився революційно-народницький рух. Люстраційні акти на Чигиринщині справді були складені чиновниками із значними порушеннями. Зважаючи на це, у 1878 р. було підготовлено їх новий варіант із суттєвими уточненнями⁴. Нарешті, на позицію суддів певною мірою вплинули деякі захисники селян, зокрема, відомий український учений-юрист, професор Київського університету О. Ф. Кістяківський, захисну промову якого друкуємо нижче. Цей документ становить науковий інтерес сам по собі – як один із взірців захисної промови, що належала прогресивному вченому, учаснику українського національно-визвольного руху, діячеві демократично-ліберального напрямку⁵. Крім того, він стосується аграрної політики царизму в пореформений час і методів її проведення, реакції на неї селянських мас.

Текст промови О. Ф. Кістяківського в суді, що зберігається в Інституті рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, публікуємо повністю. Його написано олівцем чітким почерком на

29 аркушах. Документ друкуємо із збереженням тогочасної лексики, правописних особливостей. Скорочену частину слів і окремі пропущені слова взято у квадратні дужки.

¹ Отмена крепостного права на Украине: сб. документов и материалов. – К.: Изд-во АН Украинской ССР, 1961. – С. 130.

² Історія Української РСР: у 8-ми тт., десяти книгах. – К.: Наук. думка, 1978. – Т. 3. – С. 282.

³ Лобода М. Т. Крестьянское общество «Тайная дружина» (т. н. «Чигиринский заговор»): автореф. дис. на соискание ученой степени канд. ист. наук. – К., 1974. – С. 13–15.

⁴ Пойда Д. П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). – Днепропетровск, 1960. – С. 216; Леценко М. Н. Класова боротьба в українському селі в епоху домонополістичного капіталізму (60–90-ті роки XIX ст.). – К.: Наук. думка, 1970. – С. 145–152.

⁵ Про нього детальніше див.: Катренко А. М. Записи періоду другої революційної ситуації (з «Щоденника» О. Ф. Кістяківського) // Науково-інформаційний бюлетень Архівного управління УРСР. – 1965. – № 3. – С. 46–58; Бутич І. Л. Передмова // О. Ф. Кістяківський. Щоденник (1874–1885): у двох томах. – К.: Наук. думка, 1994. – Т. 1. 1874–1879. – С. 23; Катренко А. М., Катренко Я. А. Національно-культурна і політична діяльність Київської громади (60–90-ті роки XIX ст.). – К., 2002. – 255 с. та ін.

ПРОМОВА ЗАХИСНИКА О. Ф. КІСТЯКІВСЬКОГО
НА ПРОЦЕСІ В КИЇВСЬКІЙ ОБ'ЄДНАНІЙ ПАЛАТІ КРИМІНАЛЬНОГО
І ЦИВІЛЬНОГО СУДУ У СПРАВІ СЕЛЯН, ЯКІ БРАЛИ УЧАСТЬ
У ХВИЛЮВАННЯХ У ЧИГИРИНСЬКОМУ ПОВІТІ
КИЇВСЬКОЇ ГУБЕРНІЇ І БУЛИ ЗВИНУВАЧЕНІ
В “ОПОРОВІ УРЯДОВИМ РОЗПОРЯДЖЕННЯМ”

18 червня 1877 р.

Господа судьи! Дело о восстании крестьян семи волостей Чигиринского уезда, обстоятельства которого изложены были в докладе, разъяснены обвинением и дополнены допросом подсудимых, несравненно важнее в бытовом и общественном отношении, чем в уголовно-судебном. К сожалению, важность его в бытовом и общественном отношении имела влияние на неверную окраску в уголовном отношении. Волнение крестьян в семи волостях Чигиринского уезда обратило, и не могло не обратить, особенное внимание правительства, об нем ходили толки в обществе. Отсюда-то могло родиться преувеличенное представление о сем происшествии, как преступлении.

Позвольте мне, г[оспода] с[удьи], как защитнику, на которого закон возлагает обязанность также способствовать беспристрастному выяснению истины, изложить мои соображения для определения значения действий крестьян с точки зрения уголовного закона. Позвольте также мне в тех случаях, в которых юридическая сторона деяния находится в тесной связи с целым событием, выразившимся в волнении крестьян, обращаться к указанию на такие факты, которые, не входя в состав приписываемого крестьянам преступного деяния, имеет однако ж такое значение по отношению к нему, такую с ним связь, в каком нахо-

дится душа и тело. Имея в виду стоять только на почве действительных фактов и беспристрастного толкования закона, я должен просить наперед извинения в том, что я может быть остался в неизвестности относительно какого-нибудь мелкого факта суду известного, что, при данных обстоятельствах, мне не было физической возможности изучить дело в [свыше] пятьдесят томов во всех его мельчайших подробностях.

Историческая сторона в так называемом восстании крестьян в Чигиринском уезде такова. Окончив освобождение помещичьих крестьян от крепостной зависимости на началах наделения крестьян землею, законодатель наш озаботился переустройством управления экономического быта так называемых крестьян государственных. Законом 24 ноября 1866 г. он положил основания поземельному устройству государственных крестьян в 36 губерн[иях] Великой России. А законами 16 мая и 20 окт[ября] 1867 г. и инструкциею министра государств[енных] имуществ преподаны определенные и не возбуждавшие ни малейшего сомнения правила о поземельном устройстве государственных крестьян в 9 западных губ[ерниях], в том числе и губ[ернии] Киевской. Преобразование быта государственных крестьян составляет только продолжение и дальнейшее развитие мер узаконенных приснопамятным законом 19 февраля 1861 г. Основания закона о помещичьих крестьянах и основания законов о крестьянах государственных отчасти одни и те же, отчасти схожие. Оба рода этих законов имели в виду улучшить и общественный, и экономический быт тех и других крестьян. Оба они имели в виду наделить крестьян землею в собственность на известном основании. И в самом деле, если высокие интересы государства потребовали экспроприации помещичьих земель в пользу крестьян, то странно бы было, если бы государство, которое не мыслимо без народа, не уступило земель ему принадлежащих в собственность крестьян государственных. Наконец, если закон 19 февраля 1861 г. освободил крестьян от опеки помещиков, то законами 1866 и 1867 гг. государственные крестьяне освобождены от опеки специального учреждения ведомства государственных имуществ. С регулированием и улучшением их самоуправления, крестьяне государственные подчинены общим губернским и уездным управлениям. Итак в 1867 г. законодатель повелел приступить к переустройству на началах улучшения быта земельных отношений и государственных крестьян Чигиринского уезда Киевской губ[ернии].

С самого начала люстрационных работ возникли уже недоразумения крестьян разных волостей Чигиринского уезда и недовольство их направлением люстрационных работ. С самого начала они признавали, что основания, которые положены люстраторами для нового определения их поземельного положения не те, которые предписаны царем, как крестьяне совершенно справедливо говорили. Несмотря на высочайшее повеление, которое к 1870 г. 28 мая испрошено было с целью успокоить крестьян, они продолжали повторять, что люстраторы, землемеры и мировой посредник составили люстрационные акты не по царскому указу. Когда крестьяне в 1873 г. убедились, что люстрационные акты им объявленные Шушериным и землемерами, которые не преминули при сем случае предварительно отправить молебн, для них в высшей степени обидны, тогда они пришли в волнение, как говорит в своем рапорте чигиринский исправник. И поистине нельзя было крестьянам оставаться спокойными. Вместо того, чтобы доставить улучшение земельного их положения, осуществить которое имел в виду закон, люстрационные акты, составленные не по царскому указу, как спра-

ведливо говорили крестьяне, закрепляли следующее положение: а) неудобные земли были записаны в удобные и обложены податью; б) вакантные или запасные земли, бывшие прежде в распоряжении целого общества, были отданы немногим многоземельным крестьянам; в) у некоторых крестьян отнята была часть их прежних коренных нормальных наделов, следовательно они очутились в худшем земельном положении, чем до тех пор были; г) некоторые крестьяне получили полуторный и двойной надел, а другие остались как и были бобылями, хотя закон прямо говорит о наделе бобылей из запасных земель; вследствие этого игравший столь видную роль в волнениях, в качестве консерватора, Полуденко имел 27 дес[ятин], или крестьянин с. Шабельник Игнат Марченко с однодушным семейством получил 11 дес[ятин], а Федору Бальботу при 8 душах семьи досталось 0,96 дес[ятины], или крест[ьянин] тех же Шабельников Филипп Майборода при 4 душ[ах] получил 0,32 дес[ятины]; д) в то время, как многие крестьянские семьи остались необеспеченными сколько-нибудь достаточным наделом, образованы были, по словам чигиринского исправника, фермы, которые, прежде чем люстрационные акты были утверждены, достались самим люстраторам да бывшему тогда мировому посреднику пресловутому Шушерину, о котором один из крестьян выразился: вы сам пайковый, и некоторым лицам; е) и при таком ухудшении земельного положения большинства крестьян они увидели, что плата за землю увеличена и что они обязаны платить дополнительные платежи.

Протест крестьян против земельного положения, созданного люстрационными актами, и неудовольствием этими актами, принявшие вид общих волнений, особенно, как замечает исправник, в Трушевской волости, скоро улеглись. Так как в то время дело шло только об объявлении люстрационных актов еще не утвержденных, а не о введении их в действие, то крестьяне, опротестовав их, на время успокоились. Чигиринский исправник прибавляет в своем рапорте: наружно. И я думаю, что это так и было. Он говорит, что они надеялись, что эти акты утверждены не будут. Я думаю, что это совершенно справедливо. Замечательно, что они продолжали исправно платить подати и отбывать повинности.

Настал 1875 г. Крестьянам вручены копии люстрационных актов, утвержденных без всякой почти перемены. Им наконец объявлено, что с этих пор узаконяется то, против чего они с 1869 г. протестовали, с чем не соглашались и что, как справедливо они утверждали, сделано было не по царскому указу. С них наконец стали взыскивать дополнительные выкупные платежи в виде недоимки в количестве 19492 р. С этих пор, собственно с марта 1875 г., совершается среди крестьян такие действия, которые судебная власть признала необходимым подвергнуть своему ведению. К рассмотрению этих-то действий защита и переходит.

Обвиняются крестьяне семи волостей в числе 308 душ, из них прокурорская власть нашла возможным поддерживать обвинение только против 112 обвиняемых. Обвиняются крестьяне следующих волостей: Чаплинской, Боровицкой, Шабельницкой, Адамовской, Новоселовской, Рацевской и Липовской. К сему следует присоединить ряд отдельных обвинений, против отдельных лиц, обвинений, большинство которых совершенно основательно прокурорская власть не считает справедливым поддерживать, за исключением...

И представители следственной и представители обвинительной власти совершенно основательно и теоретически, и практически правильно соединили в

одно целое собрание материала и заключение по действиям крестьян семи волостей. Несмотря на то, что эти действия совершались в разное время и в разных местах и при том отдельными группами, действительно они составляют нечто единое целое. Поведение и образ действия крестьян всех семи волостей вызваны одними и теми же причинами, имели в виду достижение одной и той же цели и сопровождалась одними и теми же действиями, за исключением некоторых самостоятельных особенностей по некоторым волостям. Посему да позволено будет мне, прежде чем я перейду к защите крестьян волостей Боровицкой и Шабельницкой в отдельности, коснуться общего характера деяния, приписываемого 308 крестьянам всех семи волостей.

В следственных актах постоянно встречается выражение, в виде показаний многочисленных свидетелей: такой-то крестьянин был главным зачинщиком и подстрекателем крестьянского бунта. Эта квалификация действий крестьян до такой степени не соответствует закону, что тот, кто записывал показания свидетелей, с полным основанием мог опустить эту несправедливую сельскую юридическую квалификацию действий, не содержащих в себе ни малейших намеков на бунт. Бунт есть восстание скопом и заговором против государя и государства. Кто же выше ставит и ставил имя царя и идею царской власти, как не те крестьяне, которые, присягая, говорили: «верую царю и богу, яко спасителю, пошли нам, боже, землю на души». У кого может родиться мысль о бунте тех, кто писал в прошении: «Во имя бога, царя и правды просим». Прощение это подано было шабельницкими крестьянами 24 апреля 1873 г. в крестьянское присутствие. Когда крестьяне убедились, что поземельные их отношения установлены несогласно с законом, ни к какой другой власти чаще не взывали, как власти царской. Они твердили, что им даны наделы не по царскому указу. И они были правы, как увидим ниже.

Обвинительная власть не обвиняет крестьян в бунте; несомненно, что и суд, который знаком уже с сим делом, не считает возможным возбудить вопрос о сем. Если я стал говорить об обвинении в бунте, то только для того, чтобы показать, какими несвойственными юридическими наростами покрыто это дело, важное в бытовом отношении.

Все следственное дело наполнено многочисленными показаниями того или другого показателя, того или другого свидетеля относительно того или другого обвиняемого, как главного агитатора и зачинщика крестьянских волнений. Возьмем, например, обвинения, возводимые на Якова Прудного, Ивана и Савву Клименков, Предвечного и многих других. Не подлежит сомнению то, что волнение крестьян в семи волостях было велико. Правда также и то, что крестьяне одной волости приезжали в другую волость для совещания, для взятия копий прошений и других бумаг. Нельзя отрицать также и того, что крестьяне собирались на сходки, что на этих сходках иные много говорили, что здесь же собирались подписи. Но во всем этом нет ни единой же уголовной вины. Хотя из волнений могут проистекать преступления, но сами по себе волнения не входят в состав какого бы то ни было преступления. Следовательно, если волнения не составляют уголовной вины, то и действия, которые вызывали и поддерживали волнения, как то: составление прошений для подачи начальствующим лицам, поездка в другое село или волость для того, чтобы узнать положение дела там, разговоры, имевшие в виду выяснение обстоятельств, относившихся до земель-

ного положения крестьян, также не составляют уголовной вины. Если же взять во внимание, что все эти действия вызваны были законным желанием крестьян выяснить свое земельное положение и просить установленные власти об удовлетворении их требований, согласных с законом, и об исправлении ошибок, недосмотров и некоторых злоупотреблений подчиненных властей, то нельзя не согласиться с тем, что эти действия были и естественны, и неизбежны. Правда, можно от души желать, чтобы подобные явления не повторялись: если сами по себе уголовно – не преступны, то они ведут к преступлениям. Но желать, чтобы эти явления не повторялись, значит вместе с тем желать, чтобы не повторялись причины их вызывающие.

Следственное производство также избилует обвинением крестьян в том, что между ними ходили ложные слухи о существовании особого царского указа насчет душевого надела и что они думали и требовали, чтобы их наделили 5 дес[ятин] на душу. Я крепко убежден в том, и готов доказывать, что часть этих обвинений есть плод недоразумений, что обвиняемым приписывают то, в чем они не повинны. Что крестьяне были убеждены и постоянно утверждали, что их наделили землею не по царскому указу, это верно. Что действительно люстрационные акты составлены были далеко несогласно с тем, чего хотел царский указ, против этого едва ли в настоящее время можно спорить. Что они требовали душевого надела, который хотя бы несколько уравнивал такое неравенство поземельного надела, как 0,33 дес[ятины] на четыре души или 0,92 [десятины] на одну душу или 17 дес[ятин] на две души, что, говорю, они требовали уничтожения такого неравенства посредством душевого надела, это вполне верно.

Но я готов положительно отрицать будто бы они требовали надела в количестве 5 дес[ятин] на душу. Я прочел многие из поданных ими прошений губернатору и в крестьянское присутствие, и ни в одном из сих прошений ничего подобного я не нашел. Они не переставали писать и говорить: желаем и согласны получить землю только по душам и по стольку, по скольку нам укажет царская воля; в другом месте они пишут: «во имя бога, царя и правды покорнейше просим законного в просьбе нашей удовлетворения и чем милость царская пожалует нас, тем мы и довольны будем», «пока не получают землю по указу его величества». Большинство крестьян шабельницких и других волостей показали, что они желали и требовали надела душевого в том размере, в котором это окажется возможным по количеству земли. Обвинение их в том, что будто бы они требовали надела по 5 дес[ятин], родилось или из ложных слухов, которые неизбежны при таком возбужденном состоянии населения, или, что весьма вероятно, было навязано им теми крестьянами, которые, получив большие наделы, были сильно заинтересованы в увековечении неправильно составленных люстрационных актов и потому естественно у них родилось желание навязывать своим противникам и такие желания, и стремления, которые им были совершенно чужды. Наше крестьянство представляет в высшей степени оригинальную среду, которую мы мало знаем и о которой мы ложно судим. Эта среда людей, у которых сохранились воззрения на общественные отношения, свойственные всему русскому народу XVI и XVII стол[етий]. Таковы его воззрения на непосредственное отношение, помимо инстанций, народа к царю. Известно, что в те отдаленные века, при несложности быта, действительно таковые отношения существовали, когда люди всех сословий имели непосредственный доступ к царю. Можно ли винить наш народ за то, что он сохранил это патриархальное мировоззрение, в котором,

однако ж нет ничего преступного, сохранил в то время, когда уже давно выработаны другие формы отношений. Но из упомянутого народного мировоззрения на возможность непосредственных отношений к царской власти и прямого доступа к царю вытекает вместе с тем тот высокий идеал, который имеет о царской власти, или о лице царя. С лицом царя народ соединяет представление о защитнике и покровителе угнетенных, царь в народных понятиях и верованиях есть персонификация закона. В понятиях народа закон есть исключительно царский указ, царская воля. И так как по его совершенно справедливым понятиям царь есть представитель милости, правды и справедливости, то он и убежден, что от случающихся с ним несправедливостей может его защитить один царь, когда проситель не нашел защиты в ближайшей власти. В рассматриваемом деле неграмотный и не умеющий читать народ инстинктом, чутьем угадал, что люстрационные акты не соответствуют царскому указу и требовал надела по царскому указу. Если и действительно допустить, что в народе жило твердое убеждение о существовании какого-то особенного царского указа, что чиновники от него сей указ скрывают – обвинение для меня далеко не убедительное, – то и при этом обвиняемые были более правы, чем не правы. Действительно, не было другого царского указа, кроме 16 мая и 20 окт[ября] 1867 г., но только сии указы отнюдь не узаконили наделить одних очень щедро, а другим почти что не дать ничего, отнюдь не предписывали зачислять неудобные земли в удобные и облагать их оброком. Словом, если крестьяне говорили, что они желают надела по царскому указу, и что они наделены не по царскому указу, иными словами не согласно с царским указом, то во всем этом не было ни малейшей лжи.

Перехожу к тем обвинениям, на которых обвинительная власть считает справедливым настаивать. Длинный список сих обвинений следующий:

По волости Чаплянской: 1) Крестьяне отказались от принятия люстрационных актов и от уплаты по ним дополнительных платежей; для прекращения такого отказа и для подчинения крестьян правительственным требованиям потребовалось содействие военной силы (ст. 263 и 265); 2) крестьяне разрушили плетень Полуденко (ст. 1621); 3) крестьяне лишили свободы Антона Посмитного, заключив его в холодную (ст. 1542); 4) угрозами не допустили волостного старшину Щербину исполнить приказание мирового посредника указать границы земли Глущенко (ст. 272).

По волости Боровицкой: 1) Самовольно отрешили Руденко от должности писаря Боровицкой волости; обвинитель на сем не настаивает; 2) нанесли побои Супруну на волостном сходе (ст. 270 и 272, а главное ст. 142 мир. уст.); 3) лишили Покрышку и Ковбасу свободы, заключив его в арестантскую, каковое арестование сопровождалось насилием над арестуемым (ст. 1542).

По Шабельницкой волости: 1) Неприятие крестьянами люстрационных актов и отказ от платежа дополнительных платежей, вызвавшее со стороны правительства необходимость прибегнуть к военной силе (ст. 265); к Якову Прудкому, кроме того, применяется ст. 342 ул[ожения].

По Адамовской волости: 1) Неприятие люстрационных актов и отказ от платежа дополнительных платежей (ст. 273); 2) в принуждении волостного старшины освободить из-под ареста Псела и Москальченко (ст. 264); 3) в оскорблении словами волостного старшины (ст. 286).

По Новоселицкой волости: 1) Неприятие люстрационных актов и неплатеж дополнительных платежей (ст. 273).

По Рацевской волости: Уговорились не платить дополнительный выкуп (ст. 273).

По Липовской волости: 1) В неприятии люстрационных актов (ст. 273); 2) в самовольном сходе; 3) и в принуждении старост приложить штемпеля.

Из сего перечня обвинений ясно, что крестьяне: во-первых, обвиняются в тех преступлениях, которые в нашем уложении называются сопротивлением распоряжениям правительства и неповиновением установленным от оного властям; во-вторых, в лишении свободы некоторых лиц; и в-третьих, в истреблении чужой собственности.

Разберем первого рода обвинение, обвинение наиболее важное, сколько потому, что оно обнимает самое большое число подсудимых. Что разумеет наш закон под сопротивлением распоряжениям правительства и неповиновением установленным властям в смысле статей уложения, помещенных в 1-й главе 4-го раздела? Согласно вековой теории, издавна существующей, оно разумеет только то сопротивление и только то неповиновение, которое выразилось активно в каком-нибудь насилии или угрозе, или материальном принуждении. Пассивное сопротивление, неповиновение ни в коим случае не могут образовать состав преступления. Далее, не всякое сопротивление, даже активное, может образовать состав преступлений в смысле ст. 262–275.

Возьмем для доказательства несколько примеров. Положим, дано предписание арестовать данное лицо. Но это лицо не только не соглашается подвергнуться аресту, но, когда его начинают брать или вести, оно упирается, не хочет идти, словом сопротивляется. Это есть также сопротивление и неповиновение, но такое, которое не может образовать [состав] преступления под сим именем. Возьмем другой пример. Последовало распоряжение о взыскании с каких-то лиц известных податей. Эти лица считают наложенные на них подати и платежи незаконными и по общему соглашению решаются их не платить и не платят. Это есть тоже неповиновение распоряжению, но неповиновение, которое опять таки не может образовать состав преступления. Почему? Потому, что как в первом, так и во втором случае власть уполномочена употребить известные меры насилия и принуждения для осуществления своих предписаний; в первом случае она насильно арестует лицо, сопротивляющееся добровольному аресту, во втором случае, она приступает к принудительному взысканию и употреблению для достижения известных мер. Крестьяне четырех волостей, а именно: Чаплянской, Шабельницкой, Адамовской, Новоселицкой отказались принять люстрационные акты и уплатить дополнительные платежи, установленные сими актами, а крестьяне же волостей Рацевской и Липовской обвиняются первые только в соглашении не платить дополнительные платежи, а вторые только в неприятии люстрационных актов. Эти действия не могут быть подведены ни под одну из статей, начиная от 263 по 272.

В статьях от 263 до 269 включительно говорится о явном против властей восстании; это восстание должно быть непременно активное с намерением или воспрепятствовать обнародованию высочайших указов, манифестов, законов или других постановлений и объявлений правительства, или же не допустить исполнение указов или правительственных распоряжений и мер, или принудить сии власти к чему-нибудь несогласному с долгом, когда такое принуждение и противодействие было произведено вооруженною рукою, или сопровождалось насилием, или хотя и не было ни того ни другого, но когда восстание имен-

но имело вышеуказанные цели. В статье 270 и 271 говорится о сопротивлении исполнению судебных определений и постановлений, и распоряжений всякой другой власти, а также сопротивлении чиновнику в отправлении должности, о сопротивлении с вооруженною рукою и с употреблением какого-нибудь насилия, или только с употреблением сего последнего. Наконец, в ст. 272 об удержании чиновника от законного исполнения обязанностей его по службе угрозами такого рода, что сей чиновник мог и должен был в самом деле считать себя в опасности. Ни под одну из сих статей действия крестьян всех поименованных волостей подвести невозможно.

Толковать так, как толкует обвинительная власть, что крестьяне Чаплянской волости отказом принять люстрационные акты и уплатить дополнительные платежи хотели принудить правительство к наделению способом и в размерах не установленных законом, невозможно. Во-первых, как я выше доказал, крестьянам только приписывают будто бы они требовали надела 5 дес[ятин] на душу, на самом же деле они только требовали более равномерного надела землею, каковым является душевой. Во-вторых, требования их были вполне законные, что признано и высочайшим повелением 28 июня 1875 г., следовательно, крестьяне, требуя законного, не имели намерения принудить власти к чему-либо несогласному с их долгом, они настаивали только на точном исполнении царского указа.

Итак, если статья 263 и следующие включительно до 272 не могут быть применены к действиям крестьян всех шести волостей, то остаются следующие две статьи, в которых говорится о неповиновении властям от правительства установленным: ст. 273, под которую главным образом обвинительная власть считает необходимым подвести действия крестьян шести волостей, в которых выразился отказ их и от принятия люстрационных актов и от платежа податей, и ст. 29 устава о нак[азаниях] налаг[аемых] мировыми судьями, на которую я считаю долгом обратить внимание суда. В первой из сих статей говорится: если без всякого явного восстания или сопротивления властям от правительства установленным несколько человек согласятся не исполнять какое-либо предписание сих властей, или уклоняться от исправления каких-либо законных государственных повинностей, тот подвергается. Вторая статья гласит следующее. За неисполнение законных распоряжений, требований и постановлений правительственных и полицейских властей, а равно земских и общественных учреждений, виновные подвергаются денежному взысканию не свыше пятнадцати руб.

Первая из сих статей, по моему крайнему разумению, применена к обвиняемым быть не может по следующим основаниям.

Во-первых, в 273 статье говорится об уклонении от исполнения каких-либо законных государственных и законных повинностей. Употребляя слово: «исправление повинностей», законодатель очевидно разумел исправление натуральных повинностей, то есть таких, для исправления которых необходима какая-нибудь работа, какая-нибудь физическая деятельность, например исправление дорог, отправление подводной повинности и т. п. Закон не разумел здесь плату податей, так как в случае неуплаты представители власти имеют право и обязанность к принудительным мерам взыскания, тогда как нельзя заставить исполнять натуральные повинности, если от исправления их лица обязанные отказываются. Кроме того, в законе говорится об уклонении от исправления каких-либо законных государственных или общественных повинностей. Спраши-

вается: допустив, что под сими повинностями следует разуметь и дополнительные платежи, о которых здесь идет речь, можно ли считать их законными после того, как впоследствии высочайшее повеление, признавшие эти акты подлежащими уничтожению, и после того, как по новой поверке актов выкупные платежи в тех волостях, где эта операция окончена, понижены следующим образом: а) по Липовской [волости] с 6390 р. на 4084 р.; б) по Адамовской волости с 6100 р. на 4715 р.; в) по Рацевской волости с 4734 р. на 3204 р.? Посредством этого-то понижения и будут исключены те добавочные платежи, платить которые крестьяне отказывались, как не надлежаще на них насчитанные и выражавшие собою платеж на неудобную землю. Спрашивается, повторяю: можно ли присудить крестьян к наказанию за то, что они согласились не платить и действительно не платили тех дополнительных платежей, которые ныне признаются как не надлежаще наложенные? По моему глубокому разумению: нет нельзя. Допустив противоположное, значило бы признать, что гражданин должен платить налог, как бы он неправильно насчитан ни был.

Во-вторых, в 273 ст. говорится о наказании смирительным домом зачинщиков и подговорщиков и тюремным наказанием всех остальных, согласившихся не исполнять какое-либо предписание властей от правительства установленных. Крестьяне пяти волостей согласились не принимать и возратить люстрационные акты, что они действительно сделали. Это именно те акты, против которых крестьяне протестовали как таковых, которые составлены не согласно с царским указом. Это те люстрационные акты, которые устанавливали самое неравномерное распределение земли – такое распределение, при котором некоторые лишались того, чем прежде владели, другие не получили того, на что они имели право по закону и остались безземельными, а третьи зато получили полуторные и двойные участки в таком размере, в каком сами они не в состоянии были обрабатывать. Это те акты, в которых целые тысячи десятин неудобной земли были записаны в удобную, которые ныне по новой поверке оказались в следующей мере неправильными: по Липовской волости в актах, которые не были приняты крестьянами, было означено: удобной земли 7007 дес[ятин], а неудобной 5238 дес[ятин], а по второй поверке оказалось удобной земли 5243 дес[ятин], а неудобной 7208 [десятин], то есть в первых актах записано было в удобную землю около 2000 дес[ятин] неудобной; 2) по Адамовской волости по люстрационным актам старым считалось удобной земли 4538 дес[ятин], а по поверке оказалось только 4147 [десятин], тогда как неудобной вместо 2711 дес[ятин] 3090 дес[ятин]; 3) по Рацевской волости по прежним люстрационным актам показано 3732 дес[ятин], а неудобной 2454 дес[ятин], по новому измерению оказалось только 3505 дес[ятин], а неудобной напротив 2714 дес[ятин]. Это те акты, которые, ухудшив положение многих крестьян, увеличили платежи, и это увеличение получило наименование дополнительных, от уплаты которых и отказывались крестьяне. Наконец это те акты, которые в виду заявлений крестьян, признанных справедливыми и местными властями да и даже верховною властью, по высочайшему повелению найдены подлежащими отмене. Акты эти, отмечены как составленные вопреки закону, шли, как выражались крестьяне, вопреки царскому указу. От принятия этих актов крестьяне отказывались. Уже ли же в настоящее время они должны быть признаны виновными за то, что они отказывались от принятия тех документов, которые самим правительством признаны несостоятельными и составленными в противоречие с законом? По моему

крайнему убеждению, наказание крестьян за неприятие актов представляло бы глубокое противоречие с признанием этих актов недействительными. Или эти акты не согласны с законом, а что не согласно с законом, того никто не обязан принимать, тому никто не должен повиноваться, от того каждый имеет право отказаться, не боясь кары законной. Или когда неповинующийся какому-нибудь распоряжению власти наказывается, то это распоряжение должно быть признано законным. Среднего ничего здесь быть не может. Само собой разумеется, что неповиновение должно быть пассивное, каковым и явилось неповиновение крестьян. Вот почему в уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, прямо говорится, что неисполнение распоряжений, требований или постановлений правительственных или полицейских властей только тогда считается виновным или наказуемым, когда такое неповиновение оказано законным распоряжением, требованиям или постановлениям.

Некоторые крестьяне Чаплянской волости обвиняются в разрушении плетня у Полуденко и Глущенко. Обвинение считает справедливым применить к лицам, виновным в этом преступлении, статью 1621 уложения. По крайнему моему разумению, я не могу согласиться с таким заключением. В статье 1621 говорится об умышленном разрушении или повреждении чужих строений, кораблей или судов, или же лесов, садов и т. п. В рассматриваемом действии крестьян Чаплянской волости нет подобного разрушения или повреждения. Они разрушили только плетень, а это действие прямо подходит под 152 ст[атьи] о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, которая говорит о наказании штрафом не в[ыше] 25 р. за повреждение чужих канав, изгородей или чужого движимого имущества. А так как по ст. 18 того же устава подобного рода поступки подлежат наказанию не иначе, как по жалобе потерпевших вред или убыток, а формальной жалобы ни Полуденко, ни Глущенко в деле не имеется, то крестьяне, виновные в разрушении плетней, не подлежат наказанию.

Некоторые крестьяне вол[ости] Чаплянской самовольно арестовали Антона Посмитного, а некоторые крестьяне Боровицкой волости арестовали Покрышку и Ковбасу, причем в первом и во втором случае арестованные оставались лишены свободы только несколько часов. Обвинительная власть подводит это правонарушение под статью 1542 уложения, в которой определяется лишение всех особых прав и преимуществ и ссылка на житье в Сибирь или арестантские роты за лишение свободы, сопровождавшиеся истязаниями и мучениями. С этим заключением согласиться невозможно. Ни арест Посмитного, ни арест Покрышки и Ковбасы сопровождались не истязаниями и мучениями, а только оскорбительным обхождением с заключенными. Следовательно это правонарушение прямо подходит под статью 1540 и 1541 и может быть наказано тюремным заключением. А так как по ст. 157 улож[ения] ред[акции] 1866 г., которая есть повторением ст[атей] улож[ения] 1857 г., для преследования подобного лишения свободы требуется жалоба потерпевшего, а таковая не была подана ни Посмитным, ни Покрышкою, ни Ковбасою, то обвиняемые в незаконном арестовании сих лиц должны быть признаны свободными от наказания.

Крестьяне Боровицкой волости Гудзь и Супрясенко обвиняются в том, что они оттолкнули Супруна и нанесли ему побои, когда тот хотел дать объяснения приехавшей комиссии, касавшиеся удаления от должности писаря Руденко. Я совершенно согласен с заключением обвинительной власти, которая склоняется к квалификации сих действий по статье 142 устава о наказ[аниях], налагаемых

мир[овым] суд[ьей], а не по ст. 270 и 272 уложения, под которую действия эти ни коим образом не могут быть подведены. А так как преследование проступков обозначенных в статье 142 требует жалобы потерпевшего, а таковой со стороны потерпевшего подано не было, то Гудзь и Супрясенко должны быть признаны по суду свободными.

[Оканчивая мою защиту, я считаю необходимым сделать две оговорки. Первая. Если я указывал на ошибки, промахи и даже злоупотребления составителей люстрационных актов и мирового посредника, то это я сделал не с другою какою-либо целью, как только для того, чтобы выставить неоспоримые факты в защиту обвиняемых. Я думаю, что в государствах, стоящих на высокой степени развития, из числа которых я не исключаю и наше отечество, неизбежны некоторые несовершенства в ходе общественного управления. Повторяю: указывая на те злоупотребления, которыми сопровождалось ведение люстрационных актов, я имел в виду не сами эти злоупотребления отдельно взятые, а обстоятельства, тесно связанные с обвинением и служащие решительными доказательствами невинности защищаемых мною крестьян. Вторая оговорка. Если вы, господа судьи, не убедитесь моими доводами в пользу полного и совершенного оправдания крестьян и приговорите их к наказанию, то почтительнейше вас прошу признать в рассматриваемом деле существование чрезвычайных, выходящих из ряда вон обстоятельств, которые в силу ст. 154 улож[ения] о наказ[аниях], не только дают вам право, но и налагают на вас обязанность повергнуть участие этих несчастных на всемилостивейшее помилование государя императора. Эту просьбу я основываю в особенности на том соображении, что в течение всего длинного периода времени ведения люстрационных актов крестьяне, видя тяжкие обиды, причиняемые им неправильно составленными люстрационными актами, не переставали взывать к имени государя императора и ссылаться совершенно основательно и в отпор несправедливостей, им причиняемых, на милостивые для них царские указы.

Итак крестьяне возлагали свою надежду на царя. Пусть же эта надежда их не посрамит]*.

Институт рукопису Національної бібліотеки України ім. В. І. Вернадського, ф. 61, спр. 437, арк. 145–174. Оригінал, рукопис.

* Взята у квадратні дужки заключна частина тексту в оригіналі відсутня. Її нами взято із іншого неповного тексту промови, написаною чорнилом рукою О. Ф. Кістяківського, що зберігається в ІР НБУ, ф. 61, спр. 438, арк. 183 зв.–184.